

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ, АКМЕОЛОГИЯ

УДК 159.9

DOI: 10.17223/17267080/67/10

К.А. Боженкова, Т.Г. Бохан

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Транспективный анализ феномена геронтологического насилия

Исследование выполнено при поддержке гранта РФНФ, проект 17–36–00014
«Геронтологическое насилие в структуре жизненного мира пожилых людей».

Представлены теоретический анализ и научное обоснование изучения возможности геронтологического насилия с позиции системной антропологической психологии как варианта развития культурно-исторического подхода. К анализу проблемы насилия в психологии был применен транспективный анализ, позволивший выявить тенденции в развитии проблематики геронтологического насилия в процессе движения психологического познания.

Ключевые слова: геронтологическое насилие; виктимность; транспективный анализ; жизненный мир; культурно-исторический подход; целостность человека; самоорганизация.

Проблематика насилия является междисциплинарной на современном этапе развития общества и науки и привлекает внимание специалистов разных областей знания: социологов, философов, психологов, медиков, юристов и др.

В научной литературе представлен материал, посвященный различным аспектам проблемы насилия, указывающий на ее междисциплинарный характер (Е.Н. Волкова, 2008; А. Гуссейнов, 2003; Р. Даль 2003; В.В. Дерябина, 2010; Т.М. Журавлева, 2006; А.Б. Орлов, 2000; Л.Я. Олиференко, 2002 и др.).

Во многих работах, исследующих данную проблему, указывается на важность изучения ее психологических аспектов. В результате разработки проблемы насилия средствами психологической науки показаны психологические последствия сексуального насилия (О.А. Кравцова, 2000; Н.Е. Невярович, 2004; О.Н. Боголюбова, 2006), описан феномен переживания насилия в детстве (Т.Я. Сафонова, 2001), проведен психологический анализ и выявлены особенности личностной организации и самосознания взрослых с эмоциональным опытом насилия различной специфики, перенесенного в детстве и отрочестве (С.В. Ильина 2000) и жизни человека в целом (Д. Финкельхорд, 1996; Э. Милле, 2001 и др.), исследованы клини-

ко-психологические, социально-психологические, деонтологические характеристики насилия со стороны супруга / партнера над женщинами с соматическими заболеваниями и невротическими расстройствами (Н.В. Лохматкина, 2010), представлены условия переживания и личностные факторы защищенности от психологического насилия в семье у пожилых людей (Л.А. Гаязова, 2007). Обращение к изучению психологических аспектов проблемы насилия указывает на сложность и многоаспектность данного феномена, его изучение с различных методологических позиций.

Актуальность разработки проблемы геронтологического насилия с позиций антропосистемного подхода в психологии определяется социальной значимостью выявления факторов, способствующих и затрудняющих развитие и сохранение здоровья людей в пожилом возрасте, с целью разработки программ превенции и современными тенденциями развития психологической науки, связанными с принципами системности и целостного развития человека. Геронтологическое насилие понимается как противоправное действие и действие, расходящееся с общепринятыми в данном обществе социокультурными нормами, социальными образцами поведения в отношении пожилых людей, результатом которых является нанесение им физического, морального, психологического, экономического вреда, ограничивающего пожилых людей в выборе и возможностях приемлемого уровня жизни. Содержание понятия «геронтологическое насилие» включает два аспекта: 1) насилие в отношении пожилых людей и 2) насилие со стороны пожилых людей как его субъективное восприятие и переживание [1. С. 10].

Результаты исследований, проведенных в развитых странах, показывают, что пожилые люди, подвергшиеся геронтологическому насилию, чаще страдают от депрессии и других психических расстройств, чем их сверстники, не подвергавшиеся насилию [2. С. 125]. На основании полученных данных исследований зарубежные ученые пришли к выводу, что плохое обращение с пожилыми людьми вызывает огромный межличностный стресс, который увеличивает риск смерти [Там же. С. 127]. В отечественных исследованиях показано, что тяжелые психотравмирующие последствия насилия являются фактором мультипричинного формирования пограничной личностной организации (Ю.А. Александровский, 2000; С.В. Ильина, 2000; Н.Е. Невярович 2004; Н.Н. Литвинова, 2005; В.И. Сулейманова, 2006; Аль-Одайни Магда Мохаммед Муршед, 2009). В отечественных работах исследователи, педалируя актуальность разработки данной проблемы, акцентируют внимание на социальном аспекте возникновения жестокого обращения с пожилыми людьми (В.В. Солодникова, 2011; Л.В. Лысова, 2008 и др.). Представлен широкий круг вопросов, связанных со спецификой проявления, актуализацией решения проблем внутрисемейного насилия, в числе которых и анализ насилия над пожилыми людьми, поиск концептуальных оснований превенции геронтологического насилия в современном российском обществе (И.В. Родина, 2007; П.В. Пучков, 2009).

Выбор методологии системно-антропологического подхода для изучения жизненного мира людей, переживающих геронтологическое наси-

лие, в современной психологической науке обосновывается с помощью теоретико-аналитического метода – транспективного анализа, предложенного В.Е. Клочко (2003, 2004, 2005) и апробированного в целом ряде докторских (Т.Г. Бохан, 2008; О.В. Лукьянов, 2009; И.О. Логинова, 2010 и др.) и кандидатских (В.С. Кубарев, 2016; О.Н. Чучалова 2015; О.В. Терехина, 2016; А.Л. Филоненко, 2012; В.Е. Некрасова, 2005; Ю.В. Клочко, 2002 и др.) исследований.

Этот метод теоретического анализа направлен на раскрытие тенденций развития науки. Он позволяет оценить постепенно идущие преобразования психологических знаний о феномене насилия с учетом типов научной рациональности исследователей. Каждый тип научной рациональности (классический, неклассический, постнеклассический) дает возможность исследовать соответствующие типы системных объектов – простые системы (классика), сложные саморегулирующиеся системы (неклассика), сложные саморазвивающиеся, самоорганизующиеся системы (постнеклассика) [3. С. 8]. Понимание современных возможностей изучения психологии геронтологического насилия возможно через понимание динамики усложнения представлений о психологии насилия согласно типам научной рациональности.

Так как классический тип научного мышления предполагает исключение нестабильности, обращение к детерминизму и отрицание времени [4], когда «наблюдается сближение внутреннего и внешнего миров» [3], постигаются объективные законы природы, повышенное внимание уделяется поиску причинно-следственных связей преимущественно естественнонаучными методами [5], понимание феномена насилия объяснялось следующими идеями. В биологическом контексте жизнь дикой природы насквозь пронизана силовыми воздействиями, нацеленными на умерщвление, нанесение травмы или управление поведением [6. С. 45]. Следуя идеям биодетерминизма, К. Лоренц пишет, что люди по своей природе «генетически запрограммированы» на самоутверждение, борьбу за блага и власть [7]. Вольфганг Гигерих в докладе на тему «Умерщвление. О психическом насилии» указывал на то, что первое бесполезное с биологической точки зрения убийство животного, жертвоприношение, следует рассматривать как момент зарождения человеческой психики [6]. Т. Гоббс первым связал насилие с человеческой природой. По Т. Гоббсу, человек по природе своей – существо эгоистическое, управляемое не разумом, а страстями. Поэтому при отсутствии внешних сил, сдерживающих проявление эгоистической человеческой природы, люди оказываются в «естественном состоянии», которое, по Т. Гоббсу, есть состояние войны всех против всех. Он утверждает, что, за исключением страха, все основные страсти оказываются формами стремления к господству и насилию [8]. В то же время с точки зрения виктимологического подхода само переживание насилия, подверженность насилию также могут быть связаны с наследственными установками, стилями, стратегиями поведения [9].

Оставаясь на позиции биодетерминизма, исследователи стали обращаться и к средовому фактору – считая, что насилие реализуется в кон-

кретных формах, которые, как и оно само, определяют и оценивают в зависимости от особенностей того или иного периода развития человечества, социально-политического устройства, культурных традиций [10. С. 110]. Так, Н. Маккиавелли утверждал, что умный государь обязан быть победителем независимо от того, какие методы правления выбираются (хитрость, обман, почести), нужно силой заставить людей верить [8]. Г.С. Табатанзе отмечает, что в насилии проявляются общие и частные социокультурные законы развития общества [10. С. 110]. Марксисты рассматривали насилие как необходимое условие для построения лучшего общества: «Насилие является повивальной бабкой старого общества, когда оно беременно новым», – говорил К. Маркс [11]. Причем, признавая неизбежность существования насилия, все эти теории рассматривают его как негативное явление. С точки зрения массовых процессов исследователи отмечали, что несовершенство общества в конечном итоге обуславливает агрессию человека (Г. Блумер, Э. Каннети, Г. Лебон и др.). П.В. Пучков выявил, что насилие проявляется как на мезо- и микроуровнях, включая отношения в семье, так и на макроуровне в формате внутренней и внешней политики государства [1].

Таким образом, насилие рассматривалось как объективное явление, имеющее биологическую природу, но в то же время в рамках классических представлений появляются идеи, указывающие на его связь с социокультурными условиями.

Другую точку зрения на социальную природу насилия представляют концепции социального научения (А. Басс, А. Бандура, Д. Зилман), теории социального влияния (Р.Б. Смит, Р. Браун), в которых социальная среда рассматривается как матрица, транслирующая человеку стереотипы насильственного поведения.

Можно говорить, что в рамках классической рациональности исследовались специалисты, осуществляющие уход за пожилыми людьми. Установлено, что им характерны поведенческие паттерны в виде агрессивного, враждебного отношения к пожилым людям, манипулирование ими, растущие по мере увеличения их рабочего стажа [12]. П.В. Пучков указывал, что «низкий социальный статус профессий, ориентированных на оказание услуг пожилым людям, их дефицит и качество, а также наличие физических, психических, моральных осложнений во время обслуживания этой категории, наличие геронтостереотипов у медработников выступают предпосылками для дискриминационных практик» [1].

Представители психоанализа З. Фрейд и его последователи (Л. Берковитц, Д. Доллард, Н. Миллер) рассматривали насилие как форму агрессии, как изначально данную человеку характеристику, исходящую из биологической природы [11]. Агрессия у Фрейда возводится до инстинктивного уровня, порожденного естественной тягой к смерти. Он утверждал, что Танатос противостоит Эросу в своем стремлении вернуться к первоначальному состоянию мертвенного покоя. Агрессия – продукт их противо-

борствующего слияния, где явно преобладает тяга к смерти. Такое понимание насилия связано с бессознательным самого человека [13].

Таким образом, психоанализ, придерживаясь биологической природы человека, выходит на системные представления, когда насилие рассматривается как результат противодействующих тенденций в психике человека, представленный его бессознательным. Новообразованием, отражающим тенденцию развития, является то, что психоанализ в его многообразии берется за внутреннюю, скрытую и зачастую неосознанную сторону насилия. Если раньше человек рассматривался скорее как жертва, то теперь он сам и жертва, и хищник. Психоаналитиков интересует в первую очередь субъективная сторона насилия.

Разработка проблемы насилия на основе классической рациональности концентрировалась на его биологических и социальных причинах. Однако на этапе классического научного мышления появляются новые тенденции, когда феномен насилия выступает как элемент психологической (человек) и социальной (структура общества) систем. Насилие начинает рассматриваться как средство внутренней организации структуры личности, общественной мысли.

Переход на неклассический этап связан с принципом взаимодействия. Согласно неклассическому взгляду, мир многогранен, многомерен, гетерогенен [14. С. 26]. С точки зрения исследователей, его основным признаком является «сближение противоположностей до уровня “и то, и другое”, предполагающее нечто третье, фиксируемое понятиями “единство”, “событие”, “соприсутствие”» [15. С. 12]. Неклассический тип научной рациональности привел к идее о том, что сознание определяется организацией жизненного пространства, где «соприсутствуют» материя и дух, субъективное и объективное, внешнее и внутреннее и т.д. [Там же. С. 12].

Реализация этих принципов в изучении природы насилия отражена в работах Э. Фромма [16]. Насилие, согласно Э. Фромму, делится на три категории, в каждой из которых есть свои подкатегории. В основе выделения этих категорий насилия лежат определенные смыслы насилия для человека. Первая – безопасное насилие, или насилие игровых форм. Его отличает от более опасных и тяжелых проявлений отсутствие деструктивной тенденции. Смысл такого вида насилия заключается в демонстрации силы. Вторая категория насилия имеет защитный смысл. Источник заключается в страхе человека, активизируется насилие вместе с восприятием внешней угрозы. Например, насилие может носить форму и характер мести. В этом случае месть имеет общие корни с чувством зависти, которое происходит от фрустрации «не-обладания» тем, чем обладает все тот же Другой. «Мстительное насилие – спутник неполноценного человека, обладающего изъянами в процессах воспроизводства своих потенций». Третья категория насилия связана с ситуацией человеческого отчаяния, бессмысленностью существования. Такой тип возникает из личностной катастрофы, когда человек, утративший фундамент, заполняет создавшийся экзистенциальный вакуум отчаянием, иногда внутренне ориентированным, иногда

ориентированным вовне. Это отчаяние и порожденное им насилие в большей степени самодеструктивны, разрушается картина мира человека, возникает тягостное ощущение покинутости и бессмысленности существования. Эту категорию насилия Э. Фромм называет экзистенциальным насилием [17]. Им выделяются патологические формы насилия. Одна из патологических форм – компенсаторное насилие, которое связывается с неспособностью человека созидать свой внутренний мир. Деструкция жизненно начала также выступает и специфической формой его воспроизведения, названного Э. Фроммом «трансценденцией». Трансценденция осуществляется для того, чтобы «избавиться от невыразимых страданий полной пассивности». Перемена понятия созидания на понятие разрушения – это воплощенный тип насилия. Фрустрация индивида преодолевается компенсаторным насилием и тягой к разрушению жизни. С компенсаторным насилием Э. Фромм связывал и феномен садизма. Садизм как болезненная, патологическая форма обращения с Другим претендует на тотальную и окончательную власть. Его цель – подчинить Другого своей власти, доведя его до полной беспомощности [Там же. С. 24]. Для индивида ситуация компенсации не дает полной возможности (а зачастую – вовсе никакой) для утверждения собственного бытия.

Руководствуясь данным типом научного мышления, исследователи проблематики геронтологического насилия обратили внимание на внутренние переживания человека, которые опосредствуют его поведение. Показано, что человек, осуществляющий уход за пожилым человеком, переживает жизненный кризис, синдром «сгорания» и опустошенности, эмоционального истощения, что может провоцировать негативное отношение к пожилому человеку (Л.В. Илибеева, 2006; Е.И. Холостова, 2007).

Методология деятельностного подхода в психологии выводит на изучение деятельностных аспектов насилия – целей, мотивов, предмета направленности, насильственных действий. Так, например, рассмотрение насилия как подтипа агрессии, который относится к крайним формам физической агрессии (Б. Крэйхи), учитывает, что насилие в форме физической агрессии может быть направлено как на людей, так и на предметы окружающего мира и преследовать цели, связанные с мотивом нанесения повреждения, а также конкретные действия относительно чего-либо или кого-либо. Деятельностный аспект насилия проявляется в форме войн, террористических акций, геноцида, в виде преступлений против личности – убийств, грабежей, изнасилований, драк с нанесением увечий и др. [18. С. 101]. П.В. Пучков выделяет пять видов насилия, для которых характерен ряд действий [1]. Физическое насилие включает в себя побои, различные виды физического воздействия с целью запугивания, изъятия денег или ценных предметов; психологическое насилие предполагает употребление в речи слов, обидных, оскорбляющих и унижающих человеческое достоинство, критические, некорректные замечания по поводу внешности, высмеивание суждений, взглядов мнений, угрозы, нацеленные на лишение жилища или помещения в дом престарелых; экономическое насилие связа-

но с вымогательством денежных сумм, пенсий, невозвращением занятых ранее денег, порчей личного имущества, принуждением к продаже квартиры, мошенничеством; сексуальное насилие подразумевает сексуальный контакт в любой форме без согласия с лицом пожилого возраста. Автор выделяет действия, которые характеризуются пренебрежительным отношением (очень редкое посещение, неоказание практической помощи, полное равнодушие, бездействие) к лицам пожилого возраста, невниманием к их нуждам со стороны специалистов социальной, медицинской и других сфер. Национальный центр по проблемам геронтологического насилия (The National Center on Elder Abuse) определяет еще два типа геронтологического насилия: «предоставленность самому себе» предполагает оставление лица пожилого возраста опекуном, который принял на себя ответственность по обеспечению ухода за этим человеком; «самопренебрежение» включает в себя поведенческую деятельность пожилого человека, которая создает угрозу его здоровью и безопасности [2].

С позиции когнитивного подхода, обращенного к субъективному опыту человека, когнитивным процессам, опосредствующим взаимодействии человека со средой, С.В. Ильина вводит понятие «эмоционального опыта пережитого насилия», имея в виду сложный комплекс эмоциональных запечатлений, образов памяти, фантазийных образований, который может иметь различную степень слитности / дифференцированности, в котором по-разному соотношены примитивные и высокоуровневые образования, когнитивные и аффективные компоненты, причем каждый этап онтогенеза вносит в содержание и структуру этого комплекса свой специфический вклад [19]. Опираясь на данную методологическую позицию, разрабатываются методы психологической помощи жертвам насилия. Например, когнитивная процессуальная психотерапия (Resick & Schnicke, 1992) направлена на когнитивное реструктурирование пяти основных компонентов базисных схем – представлений о безопасности, доверии, силе собственного «Я», самооценности и интимности (McCann & Pearlman, 1990). Неклассический тип мышления исследователей по проблемам виктимологии акцентирует внимание на формировании виктимных установок, сценариев в личности и виктимного поведения, психологического состояния жертвы в онтогенезе (Т.Ю. Филатов, 2009; В.С. Устинов, 2000; А.В. Туляков, 2000). По мнению ряда ученых (Т.Г. Волкова, 2004; Е.С. Фоминых, 2012 и др.), опыт виктимизации ведет к формированию картины мира, характеризующейся своей непрогнозируемостью и опасностью, что может способствовать закрытию человека от любых контактов и реальностей. В ряде исследований виктимная личность – это сложная целостная, иерархично организованная саморегулирующая система, которая переживает глубокий внутриличностный конфликт, представленный в эмоционально-волевой и потребностной сферах, приводящий к дезадаптации (М.П. Долговых, 2009; О.О. Андронникова, 2005). В дальнейшем учеными были определены психологические особенности человека с психологией жертвы, среди которых «неадаптивность копинг-стратегий, чаще всего направ-

ленных на отказ от решения проблемы» [20], «низкий или средний уровень развития критического мышления у пожилых людей как жертв мошеннических действий, их доверчивость и неготовность к поиску ответов на вопросы и объективной оценке совершающегося мошенничества» [21], неспособность к самозащите или недостаточная подготовленность к ней (Г. Шнайдер).

Принципы опосредствованного взаимодействия, активности и развития, которыми руководствовались ученые на неклассическом этапе науки, позволили обратиться не только к изучению негативных аспектов насилия, но и к позитивным ресурсам противостояния, совладания, сопротивления. М. Селигман и его последователи полагают, что парадигма психологии должна быть изменена: от негативности – к позитивности, от концепции болезни – к концепции здоровья. Объектом исследований и практики должны стать сильные стороны человека, его созидательный потенциал, здоровое функционирование отдельного человека и человеческого сообщества [20]. В личностном подходе исследовательское усилие направлено на изучение личностных особенностей людей, переживших насилие в детстве и сумевших или не сумевших преодолеть его негативные последствия, влияния среды, ресурсов психологической защищенности взрослых, способствующих снижению негативного влияния последствий пережитого в детстве насилия (О.Н. Боголюбова, 2006; Н.Е. Невярович, 2004; О.А. Кравцова, 2000; И.В. Кондакова, 2012). В исследовании Л.А. Гаязовой (2007) определены личностные особенности пожилого человека, обеспечивающие его защищенность от психологического насилия в ближайшем социальном окружении. Учитывая интерес неклассической психологии к процессу, к активности самого человека, представленного в отечественной психологии категорией субъекта, в данной работе показано, что защищенность пожилого человека от психологического насилия выступает не только как личностные характеристики, личностные ресурсы, а как устойчивое эмоционально положительное переживание, выражающееся в осознании индивидом своих возможностей совладания с деструктивным воздействием со стороны социального окружения. Изучение личности не ограничивается интересом к ставшему – личностными чертами, автор исследования показывает значимость принятия себя и своего жизненного пути, преобладание положительного эмоционального фона и эмоциональной устойчивости, активного отношения к жизни, выражающегося в готовности действовать и противостоять трудностям. Пожилые люди с высоким уровнем защищенности от психологического насилия в семье обладают более целостным восприятием событийной картины жизни, в большей степени готовы принимать помощь и поддержку других людей [22]. В этих новых научных данных прослеживается тенденция обращения к изучению целостного человека, не только причин и условий насилия, наличия личностных характеристик противостояния и защищенности, но, прежде всего, способности строить свою жизнь, активно противостоя трудностям, иметь положительные эмоции в отношении себя, своей жизни.

Выход в жизненный мир человека как более сложное системное образование связан с тенденциями развития современной психологической науки [3]. Ф.Е. Василюк показывает связь особенностей жизненного мира человека с характером критических ситуаций [23]. М.В. Прохоровой расширены представления о жизненном мире людей при переходе в пенсионный возраст. Показано, что изменяются все структурные компоненты жизненного мира личности: и центральные (психологическое самочувствие и телесность), и периферийные (личностные, пространственная среда и восприятие времени). С ее точки зрения, при анализе различных состояний пожилого человека именно категория «жизненный мир личности» позволяет учитывать индивидуальность, взаимоотношения со средой, изменения личности и ее потенциальные возможности, что имеет не только методологическое, но и практическое значение в целях улучшения качества жизни пожилых людей [24].

В логике системной антропологической психологии (В.Е. Ключко) становление многомерного мира человека понимается как сущность онтогенеза [3]. Здесь проявляется интерес к прогрессивному развитию, процессу становления, когда предметом исследования становятся сложные саморазвивающиеся (самоорганизующиеся) системы, что характеризует постнеклассический тип рациональности (В.С. Стёпин, 2002; В.Е. Ключко, 2003). Многомерный жизненный мир человека является внутренним личным пространством, продленным вовне, делающим предметы носителями смыслов и ценностей человека. Будучи открытым во внешнюю среду, обмениваясь веществом, энергией, информацией, меняя реальность и изменяясь сам, человек создает свой уникальный многомерный мир. Этот мир отражает сущностные характеристики человека, это то пространство, что пронизано самостью, субъективностью, готовностью реализовать себя (В.Е. Ключко). В рамках данной методологии показано, что самоорганизация открытой психологической системы как процесс прогрессивного развития является условием совладания с трудными жизненными ситуациями, психического здоровья, психологического благополучия, жизнеосуществления, самореализации (Э.В. Галажинский, 2002; Т.Г. Бохан, 2009; О.В. Лукьянов, 2009; Ю.В. Ключко, 2002 и др.). Обращение к жизненному миру человека (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, В.И. Ключко) при изучении проблемы геронтологического насилия отвечает тенденциям развития науки, связанным с онтологизацией, антропологизацией и гуманизацией психологического знания (А.Г. Асмолов, В.В. Слободчиков, В. Юревич).

Показано, что общесистемными характеристиками человека как открытой психологической системы выступают: «самоидентичность», заключающаяся в способности человека удерживать непрерывность своего Я в потоке пространственно-временных трансформаций [26]; континуум «ригидность–интернальность», в котором показатели ригидности (экстенсивность) отвечают за трудность перестройки сложившихся жизненных стереотипов и коррекции программ поведения, происходящих в связи с объективной необходимостью, а разная степень осознания и принятия этой

необходимости определяется рефлексивными возможностями человека, проявляющимися в параметрах его самосознания – большего (интернальность) или меньшего (экстернальность) осознания себя субъектом, ответственным за качество собственной жизни [27].

Размышляя над проблемой насилия в рамках данной методологии, Е.В. Некрасова (2005) отмечает, что насилие над человеком (ссылка, изгнание, лишения и т.д.) приводит к деформации его жизненного мира, что проявляется в утере человеком возможности избирательного взаимодействия со средой и выражается в следующем: отсутствии динамики смыслов; исключительной концентрации человека на прошлом (переживание воспоминаний, составляющих единственный предмет сознания, приобретает разрушительный характер) или будущем (псевдобудущее, псевдожизнь подменяют подлинную жизнь), деформирующей его поведение в настоящем; доминировании ориентации на настоящее при нечетком образе будущего; факте связи центрации на настоящем (сейчас) с деформацией пространства (здесь) бессмысленным времяпрепровождением – «обыденно-житейским циклическим бытовым временем» (М.М. Бахтин), лишенном поступательного исторического хода [25]. Деформации жизненного пространства всегда сопровождаются изменением субъективного восприятия времени («замедление», «убыстрение», «остановка», «вневременность бытия»), происходящим на фоне «потери чувства реальности», возникновения «эффектов дереализации» и т.д.

Таким образом, объективные тенденции развития психологической науки выводят на возможность изучения проблемы геронтологического насилия с позиции методологии антропосистемного подхода в психологии. Опора на данную методологию позволит получить новые научные данные об особенностях организации многомерного мира пожилых людей в контексте проблемы геронтологического насилия, что расширит научные представления о психологических факторах и условиях развития и сохранения здоровья в пожилом возрасте, а также рисках их нарушения.

Выявление особенностей жизненного мира пожилых людей с опытом переживания геронтологического насилия требует рассмотрения доминирующих эмоций и мыслей, стратегий совладания во взаимосвязи с хромотопическими характеристиками, событийно-содержательными и аффективными особенностями субъективной картины жизненного пути, качества жизни и степени открытости по отношению к социальному, природному, предметному миру, анализа видов геронтологического насилия.

В результате будут получены новые научные данные, которые могут быть использованы в развитии геронтологического направления в социальной и клинической психологии, психиатрии для разработки комплекса превентивных мероприятий, направленных на предупреждение геронтологического насилия, а также в кризисной психологической помощи пожилым людям для профилактики сокращения продолжительности жизни пожилых людей и обеспечения их активного долголетия.

Литература

1. Пучков П.В. Концептуальные основания превенции геронтологического насилия в современном российском обществе : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Самара, 2009. 15 с.
2. Etienne G. World report on violence and health: summary / G. Etienne, L. Linda, A. James, V. Anthony // «Abuse of elderly». 2002. Ch. 5. P. 125–145.
3. Ключко В.Е. Закономерности движения психологического познания и проблема метода науки // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 1. С. 5–19.
4. Пригожин И.Р. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–57.
5. Знаков В.В. Психология субъекта и психология человеческого бытия // Субъект, личность и психология человеческого бытия. М. : Ин-т психологии РАН, 2005. С. 9–44.
6. Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации : очерки по эволюционно-исторической психологии. М. : ЛКИ, 2007. 256 с.
7. Лоренц К. Агрессия. М. : Прогресс, 1994. 130 с.
8. Байдаева Ф.Б. Философия : краткий курс лекций : учеб. пособие. М. : МГУП, 2009. 96 с.
9. Шмелев А.Г. Психодиагностика личностных черт. СПб. : Речь, 2002. 480 с.
10. Табатадзе Г.С. Насилие как социальное явление // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2003. № 3. С. 109–116.
11. Сытых Е.Л. Роль и значение насилия в культуре : автореф. дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2003. 28 с.
12. Краснова О.В. Эйджизм в работе с пожилыми людьми // Психология старости и старения : хрестоматия. М. : Academia, 2003. 416 с.
13. Буняева М.В., Ковш Е.М. Агрессия и деструкция в фокусе психоанализа // Северо-Кавказский психологический вестник. 2015. № 13/4. С. 55–57.
14. Волкова А.И. Постнеклассическая картина мира как условие возникновения новой научной парадигмы в психологии общения // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2005. № 5. С. 68–71.
15. Кубарев В.С. Методологические инструменты постнеклассической психологии: транспективный анализ // Сибирский психологический журнал. 2015. № 58. С. 6–24.
16. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М. : АСТ, 2004.
17. Фромм Э. Душа человека. Ее способность к добру и злу. М. : Директмедиа Паблишинг. 2008.
18. Ботова М.Г. Соотношение понятий «насилие» и «агрессия»: теоретико-эмпирическое исследование // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. № 1. С. 100–102.
19. Ильина С.В. Эмоциональный опыт насилия и пограничная личностная организация при расстройствах личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2000. С. 26.
20. Малкина-Пых И.Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. М. : Эксмо, 2010. 447 с.
21. Ярославцева И.В., Дорохина С.А. Критическое мышление пожилых людей – жертв мошеннических действий: теоретический и прикладной аспекты исследования // Известия Иркутского государственного университета. Психология. 2016. Т. 15. С. 60–71.
22. Гаязова Л.А. Личностные особенности пожилого человека, обеспечивающие его защищенность от психологического насилия в ближайшем окружении : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2007. С. 26.
23. Василюк Ф.Е. Психология переживания. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.

24. Прохорова М.В. Эвристичность категории «жизненный мир личности» на примере исследования одиночества пожилых людей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки. 2006. № 1. С. 360–366.
25. Некрасова Е.В. Пространственно-временная организация жизненного мира человека : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Барнаул, 2005. 18 с.
26. Лукьянов О.В. Самоидентичность как условие устойчивости человека в меняющемся мире : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Томск, 2009. 44 с.
27. Ключко Ю.В. Ригидность в структуре готовности человека к изменению образа жизни : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Барнаул, 2002. 23 с.

Сведения об авторах:

БОЖЕНКОВА Ксения Алексеевна, аспирант кафедры психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: bozhenkova.k@mail.ru

БОХАН Татьяна Геннадьевна, доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой психотерапии и психологического консультирования Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: btg960@sibmail.com

Поступила в редакцию 10.07.2017 г.; повторно 25.11.2017 г.; принята 28.12.2017 г.

TRANSPECTIVE ANALYSIS OF THE GERONTOLOGICAL VIOLENCE PHENOMENON

Siberian journal of psychology, 2018, 67, 135–148. DOI: 10.17223/17267080/67/10

Bozhenkova Ksenya A., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bozhenkova.k@mail.ru

Bokhan Tatiana G., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: btg960@sibmail.com

Keywords: gerontological violence; victimization; transpective analysis; lifeworld; cultural and historical approach; human integrity; self-organization.

The main contradiction determining the need for scientific development of the gerontological violence problem is, on the one hand, the increase in number of elderly people and the task of protecting them from violence (in its various forms), preserving active longevity, life quality, on the other hand, the limited scientific data on psychology of gerontological violence and the development of practical aspects of older age crises studies.

To analyze the formation of scientific ideas about gerontological violence, its understanding as a multidimensional and systemic phenomenon, the article uses the method of transpective analysis as a method of post–nonclassical thinking in psychology. On the basis of this method, the conceptual bases necessary for understanding and explaining the phenomenon in the prism of the post–nonclassical paradigm are designed.

The aim of the study was to conduct a theoretical analysis and provide a scientific justification for studying the possibility of gerontological violence from the perspective of systemic anthropological psychology as a variant of the cultural and historical approach of Vygotsky L.S. (Klochko V.E and others) development. We analyzed the violence problem in psychology using the method of transpective analysis, which made it possible to identify the trends in the development of the gerontological violence problem in the process of psychological cognition movement (classics – nonclassic – post–nonclassic).

The results of the transpective analysis of the gerontological violence phenomenon in psychology made it possible to reveal the following natural changes in scientific views: the phenomenon of violence as an element of the psychological (man) and social (structure of society) system as a means of internal organization of the personality structure is considered in classical psychology; in nonclassical psychology there is a tendency to appeal to the study of the whole man, namely: personal characteristics of confrontation and protection from vio-

lence, the presence of positive emotions in relation to oneself, the world, and other people; in post–nonclassical psychology, violence is positioned from the point of view of the person's lifeworld deformation.

Thus, in the modern psychological science, there are corresponding methodological possibilities for staging and solving the problem of gerontological violence, which allows solving scientific and practical problems that have not been solved in the framework of classical and non–classical psychology.

References

1. Puchkov, P.V. (2009) *Kontseptual'nye osnovaniya preventsii gerontologicheskogo nasiliya v sovremennom rossijskom obshchestve* [Conceptual grounds for the prevention of gerontological violence in contemporary Russian society]. Sociology. Cand. Diss. Samara.
2. Etienne, L. Linda, A. & Anthony, J.B. (2002) *World report on violence and health: summary. Abuse of elderly*. Chapter 5. pp. 125–145.
3. Klochko, V.E. (2007) *Zakonomernosti dvizheniya psikhologicheskogo poznaniya i problema metoda nauki* [Regularities of the movement of psychological cognition and the problem of the method of science]. *Methodology and history of psychology – Methodology and History of Psychology*. 2(1). pp. 5–19.
4. Prigogine, I.R. (1991) *Filosofiya nestabil'nosti* [Philosophy of instability]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 46–57.
5. Znakov, V.V. (2005) *Sub'ekt, lichnost' i psikhologiya chelovecheskogo bytiya* [Subject, personality and psychology of human existence]. Moscow: Institute of Psychology, RAS.
6. Nazaretyan, A.P. (2007) *Antropologiya nasiliya i kul'tura samoorganizatsii: ocherki po evolyutsionno-istoricheskoy psikhologii* [Anthropology of violence and culture of self-organization: Sketches on evolutionary and historical psychology]. Moscow: LKI.
7. Lorents, K. (1994) *Agressiya* [Aggression]. Moscow: PROGRESS
8. Baydayeva, F.B. (2009) *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow: Moscow State University of Printing Arts.
9. Shmelev, A.G. (2002) *Psikhodiagnostika lichnostnykh chert* [Psychodiagnostics of personality traits]. St. Petersburg: Rech'.
10. Tabatadze, G.S. (2003) *Nasilie kak sotsial'noe yavlenie* [Violence as social phenomenon]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii – Science Journal of Volgograd State University. Series 7. 3*. pp. 109–116.
11. Sytykh, E.L. (2003) *Rol' i znachenie nasiliya v kul'ture* [The role and significance of violence in culture]. Culturology Cand. Diss. Chelyabinsk.
12. Krasnova, O.V. (2003) *Eydzhizm v rabote s pozhilymi lyud'mi* [Ageism in work with the elderly]. In: Krasnova, O.V. & Liders, A.G. (eds) *Psikhologiya starosti i stareniya* [Psychology of old age and aging]. Moscow: Academia.
13. Bunyaeva, M.V., Kovsh, E.M. (2015) *Agressiya i destruktivnaya v fokuse psikhoanaliza* [Aggression and destruction in the focus of psychoanalysis]. *Severo-Kavkazskiy psikhologicheskii vestnik*. 13/4. pp. 55–57.
14. Volkova, A.I. (2005) *Postneklassicheskaya kartina mira kak uslovie vozniknoveniya novoy nauchnoy paradigmy v psikhologii obshcheniya* [Post-nonclassical picture of the world as a condition for the emergence of a new scientific paradigm in the psychology of communication]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo uni-versiteta. Tekhnicheskie nauki – Izvestiya SFEDU. Engineering Sciences*. 5. pp. 68–71.
15. Kubarev, V.S. (2015) *Methodological tools post-non-classical psychology: transpective analysis*. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 58. pp. 6–24. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/58/1
16. Fromm, E. (2004) *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness]. Translated from English by E. Telyatnikova. Moscow: AST.

17. Fromm, E. (2008) *Dusha cheloveka. Ee sposobnost' k dobру i zlu* [The heart of man. Its ability to good and evil]. Translated from German by V. Zaks. Moscow: Direktmedia.
18. Botova, M.G. (2012) Sootnoshenie ponyatiy “nasilie” i “agressiya”: teoretiko-empiricheskoe issledovanie [The correlation between the concepts of “violence” and “aggression”: a theoretical and empirical study]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. 1. pp. 100–102.
19. Ilyina, S.V. (2000) *Emotsional'nyy opyt nasiliya i pogranichnaya lichnostnaya organizatsiya pri rasstroystvakh lichnosti* [Emotional experience of violence and borderline personal organization in personality disorders]. Psychology Cand. Diss. Moscow.
20. Malkina–Pykh, I.G. (2010) *Viktimologiya. Psikhologiya povedeniya zhertvy* [Victimology. Psychology of the victim behaviour]. Moscow: Eksmo.
21. Yaroslavtseva, I.V. & Dorokhina, S.A. (2006) Kriticheskoe myshlenie pozhilykh lyudey – zhertv moshennicheskikh deystviy: teoreticheskiy i prikladnoy aspekty issledovaniya [Critical thinking in elderly people – victims of fraudulent actions: theoretical and applied aspects of research]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Psikhologiya – The Bulletin of Irkutsk State University*. 15. pp. 60–71.
22. Gayazova, L.A. (2007) *Lichnostnye osobennosti pozhilogo cheloveka, obespechivayushchie ego zashchishchennost' ot psikhologicheskogo nasiliya v blizhayshem okruzenii* [Personal features of the elderly, ensuring their protection from psychological violence in the immediate environment]. Psychology Cand. Diss. St. Petersburg.
23. Vasilyuk, F.E. (1984) *Psikhologiya perezhivaniya* [Psychology of experience]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
24. Prokhorova, M.V. (2006) Evristichnost' kategorii “zhiznenny mir lichnosti” na primere issledovaniya odinochestva pozhilykh lyudey [Heuristic categoriy “life of the individual” in the study of loneliness of the elderly people]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Sotsial'nye nauki – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 1. pp. 360–366.
25. Nekrasova, E.V. (2005) *Prostranstvenno-vremennaya organizatsiya zhiznennogo mira cheloveka* [Spatial-temporal organization of the person's vital world]. Abstract of Psychology Dr. Diss. Tomsk.
26. Lukyanov, O.V. (2009) *Samoidentichnost' kak uslovie ustoychivosti cheloveka v menyayushchemsya mire* [Self-identity as a condition of human stability in a changing world]. Abstract of Psychology Dr. Diss. Tomsk.
27. Klochko, Yu.V. (2002) *Rigidnost' v strukture gotovnosti cheloveka k izmeneniyu obraza zhizni* [Rigidity in the structure of a person's readiness to change their way of life]. Psychology Cand. Diss. Barnaul.

Received 10.07.2017;

Revised 25.11.2017;

Accepted 28.12.2017